

УДК 314.743

**РОССИЙСКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ XX ВЕКА:
ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ, АДАПТАЦИИ И СОХРАНЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ**

© 2016 г.

Т.А. Медведева, С.В. Бушуева

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

medvedeva144@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.02.2016

Предпринята попытка проанализировать этапы, специфику, географию формирования российского зарубежья и русскоязычного пространства XX в.; выявить количественный и качественный состав четырех волн российской эмиграции; определить их отличительные особенности и поведенческие парадигмы. Важнейшими проблемами для представителей эмиграции были адаптация в новой среде проживания и необходимость сохранения национальной идентичности. Одним из заметных эмиграционных трендов является изменение в течение XX в. ментальности российского эмигранта, его поведенческой парадигмы: от миссии сохранения ценностей российской самоидентификации до максимального отрыва от них и ускоренной интеграции в западную жизнь.

Ключевые слова: миграция, эмиграция, депортация, адаптация, репатриация, перемещенные лица, диаспора, русскоязычное пространство, национальная идентичность, волны эмиграции.

**Предисловие.
Постановка проблемы**

Термин «российское зарубежье» предполагает исследование не только эмиграционных процессов, но и проблем пребывания эмигрантов в новой стране проживания. Результатом эмиграции, как правило, является образование диаспоры – устойчивой совокупности людей единого происхождения, языка, культурных традиций, ментальности, сложившейся за пределами исторической родины. Члены диаспоры находятся в принимающих странах на положении меньшинств, перед которыми стоит задача сохранения своей культурно-национальной идентичности и духовной связи с исторической родиной. В то же время долгое проживание в условиях иной культуры так или иначе вынуждает их интегрироваться в местный уклад жизни. Таким образом, сохранение своей национальной самобытности и адаптация к условиям другой социокультурной среды, не переходящая в ассимиляцию, – две стороны сложного процесса складывания и успешного развития диаспор.

История российской эмиграции как массового явления начинается с середины XIX в. Дореволюционная эмиграция классифицируется не на волны, а на группы: трудовая, религиозная, еврейская, политическая. В первых трех группах ведущее место занимала эмиграция в США и Канаду. Русское трудовое крестьянство, гонимые церковными властями духоборы, моло-

кане, старообрядцы, ведя замкнутый образ жизни, смогли сохранить русские традиции и обычаи вдали от родины. Результатом национальной и религиозной эмиграции стало складывание мощных еврейских, татарских, армянских диаспор в Америке, которые быстро теряли какую-либо связь с Россией и российской культурой. У политэмигрантов, чьи интересы были связаны с Россией, доминировала Европа.

С понятием «эмиграция» ассоциируется длительное проживание за границей представителей российской культуры. В начале XX в. Париж стал центром Русских сезонов С. Дягилева. Россия, азиатская окраина Европы, покорила художественную столицу мира. Репертуар был русским. Дягилев привез за границу более 300 артистов, среди которых блистали Ф. Шаляпин, А. Павлова, Т. Карсавина, В. Нижинский. Художниками спектаклей стали А. Бенуа, Л. Бакст, К. Коровин. Это были представители русской диаспоры за рубежами России, и относить их к явлению «эмиграция» не совсем корректно, если рассматривать массовые волны переселенцев после революции 1917 года и Второй мировой войны.

Следует отметить, что дореволюционная эмиграция была самой значительной по своим размерам, по сравнению с последующими эмиграциями, хотя и не была вызвана каким-либо социальным катаклизмом. Число выехавших из России в этот период превышает 7 млн человек. Во многом масштаб исхода из России объясняется тем, что дореволюционная эмиграция была

более длительной по времени. Статистика учитывала только лиц, легально выезжавших за пределы государства. Понятия «эмиграция» в дореволюционном законодательстве России не существовало, а переход подданных империи в другое гражданство был запрещен [1, с. 46]. Кроме того, для многих работавших за пределами империи после революции 1917 г. пути домой были отрезаны. В XX в. по просторам России «девятым валом» прокатились четыре эмиграционные волны, резко отличающиеся друг от друга по причинам исхода, географии расселения, продолжительности и интенсивности эмиграции, количественному и качественному составу, характерным чертам, поведенческой парадигме. Таким образом, складывание за пределами России такого социально-политического и культурного образования, как российское зарубежье, – уникальное и длительное явление. В целом эмигранты являются только одной из составных частей того явления, которое сейчас носит обобщающее название «Русский мир».

Феномен первой русской эмиграции XX века

Первая волна пришлась на 1918–1922 гг., хотя некоторые ученые отсчитывают эмиграцию с дореволюционного периода. Революция 1917 г. и гражданская война вызвали небывалый всплеск эмиграции из России, поэтому ее называют «первой послереволюционной» или «белой». В основном эмигрантами стали военные Белой армии и гражданские лица, бежавшие от новой власти и гражданской войны. Численность русских, покинувших Россию в 1918–1922 гг., составила примерно 1.5–3 млн человек [2]. Однако в литературе приводятся еще более внушительные цифры: 4–5.5 млн человек [3].

Западная Европа впервые столкнулась с таким количеством беженцев. Лига Наций пыталась остановить миграционный поток. Фритьоф Нансен, Верховный комиссар Лиги Наций по делам беженцев, смог убедить вернуться в Россию лишь около 10 тыс. человек. В 1924 г. Лига Наций приняла решение о выдаче так называемых «нансеновских паспортов». Однако они не облегчали получение виз и работы, не давали прав на пособия по инвалидности, болезни, безработице. Получение нового гражданства было практически невозможно. За малейшее нарушение закона эмигрантов депортировали. Многие пограничные с Россией страны заслонились кордоном. Финляндия просто высылала беженцев в Советскую Россию.

Уникальным являлось не количество изгнанников, а их качество – большинство рус-

ских беженцев принадлежало к культурной, политической и военной элите. Это предопределило беспрецедентно высокий уровень культурных ценностей, которые были созданы всего за несколько десятилетий: литература И. Бунина, В. Набокова, И. Шмелева; музыка С. Рахманинова, И. Стравинского; театр М. Чехова; живопись В. Кандинского, М. Шагала, Н. Рериха; философия И. Ильина, Н. Бердяева; исторические труды Г. Вернадского, П. Миллюкова; социология П. Сорокина; экономическая теория В. Леонтьева; технические изобретения В. Зворыкина, И. Сикорского; шахматы А. Алехина.

В своей знаменитой речи «Миссия русской эмиграции» Иван Бунин сформулировал смысл существования всей русской эмиграции:

1. Миссия спасения русской чести, сохранения духовных ценностей дореволюционной России.

2. Миссия непримиримости к силам разрушения и зла, сопротивления большевистскому эксперименту.

3. Миссия свидетельства миру о сути этого зла, грозившего всему человечеству, осмысления трагического опыта революции [4, с. 126–138].

Д. Мережковский сформулировал девиз русского зарубежья: «Мы не в изгнании – мы в послании!»

Основными центрами русской эмиграции первой волны стали Париж, Берлин, Прага, Белград, София, Харбин. Эмигранты рассматривали свое изгнание как вынужденный и кратковременный эпизод, надеясь на скорое возвращение в Россию. Ждали быстрого крушения большевистского режима. Во многом этими надеждами было вызвано их стремление отказаться от участия в жизни стран пребывания, противостоять ассимиляции и нежелание адаптироваться к новому укладу жизни. Они стремились ограничить свою деятельность рамками диаспоры. В силу этих причин эмигранты пытались воссоздать за рубежом почти все общественные институты дореволюционной России. За рубежом русская элита в любой момент могла представить на смену большевикам Совет министров, Государственную думу, Генеральный штаб, корпус жандармов, Торговую палату, Священный синод, Правительствующий сенат. За пределами России функционировали: система образования; система научных институтов и обществ; сеть издательств и периодической печати; балет, театр, музеи, библиотеки. Православная Сербия дала приют русскому духовенству, где сформировался религиозный центр русской православной эмиграции.

Еще одна характерная черта русской эмиграции этого периода – огромное количество

политических партий. За рубежом оказался весь партийный спектр дореволюционной России (кроме большевиков) – от монархистов до социалистов. При всех различиях политических взглядов их объединял последовательный и непримиримый антибольшевизм. Однако политические и идеологические разногласия, амбиции лидеров не позволили оппозиции создать единый антибольшевистский блок.

Значительную часть русской диаспоры составляла военная эмиграция. Главнокомандующий Русской армией генерал П. Врангель был уверен в скором возвращении на Родину. В труднейших условиях он принимал все меры к тому, чтобы сохранить армию как боеспособную единицу. Как лидер военной эмиграции, Врангель жестко препятствовал принятию своими военнослужащими нового гражданства. Русские офицеры продолжали носить свою форму, сохранять некоторые боевые части, работали три русских кадетских корпуса. В сущности, это была армия, переведенная на гражданское положение, рассеянная по многим странам, но сохранявшая традиции и дисциплину, чтобы по первому зову продолжить борьбу с большевиками. Поэтому воины каждой части старались устраиваться на одно предприятие, работали артелями и жили в общежитиях. Была создана единая крупная организационная структура – Русский общевоинский союз (РОВС), собравший под свои знамена около 100 тыс. человек [5, с. 7–25]. Его отделения работали во всех европейских странах. Однако, вырванные из привычной среды, в эмиграции военные оказались совершенно дезориентированными. У большинства не было навыков гражданской службы, они труднее всего приживались в эмиграции.

Появление в Праге в 1921 г. сборника статей «Смена вех» вызвало первый крупный раскол в русской эмиграции. «Гражданская война проиграна окончательно, Россия давно идет своим, не нашим путем... Или признайте эту, ненавистную Вам Россию, или оставайтесь без России, потому что «третьей России» по вашим рецептам нет и не будет», «Итак, мы идем в Каноссу, т.е. признаем, что проиграли игру, что шли неверным путем, что поступки и расчеты наши были ошибочны» – подобные утверждения сменовеховцев обрушили на авторов сборника шквал обвинений в предательстве и сотрудничестве с большевиками [6, с. 346–353].

Сменовеховцы, признав новую экономическую политику большевиков (НЭП), надеялись на постепенное перерождение Советской России в буржуазную республику. Это дало сильный толчок к возвращению в Россию части эмигрантов. Некоторые исследователи называ-

ют 121 тыс. 843 человека, только в 1921 г., вернувшихся в Россию. Среди них: сменовеховцы Н. Устрялов, Ю. Ключников; писатели А. Толстой, А. Куприн, М. Цветаева; композитор С. Прокофьев.

Русская эмиграция была пусть и не ведущим, но все же действенным фактором реальной политики 1920–1930-х гг. Именно эти годы – самый яркий период в истории русского зарубежья. Именно тогда были созданы все значительные идеологемы эмигрантской политической теории. Именно в те годы эмигрантская активность представляла для Советской России серьезную опасность. Достаточно вспомнить, как реагировали власти СССР на публицистику Устрялова, Бердяева, сколько сил затратили на борьбу с эмиграцией советские спецслужбы. Примерами могут служить знаменитая операция «Трест», спецоперации ОГПУ против РОВС и т.д.

Таким образом, первая волна эмиграции рассматривалась как единственный легитимный носитель исторической России и русской культуры. Для вынужденных русских эмигрантов важнейшей целью являлось сохранение русской культуры, традиций, православной веры как ментальной основы русского человека. Все более поздние эмиграционные волны представляют собой уже некую смесь русской и советской культуры, православия и атеизма. Кроме того, с первой эмиграцией связано создание «параллельной России», существование двух русских культур – русской зарубежной и советской, двух православных церквей, двух России – зарубежной и советской.

Особенности второй волны послереволюционной эмиграции

Другой общественный катаклизм прошлого века – Великая Отечественная война явилась причиной формирования так называемой второй волны послереволюционной эмиграции, или послевоенной волны.

Обе эти волны и количественно, и качественно отличались друг от друга. По характеру первая была вынужденной эмиграцией в отличие от второй волны, где присутствовали факторы и принудительности, и добровольности. По численности она была меньше первой волны: приводятся цифры от 0.7 млн до 1.5 млн человек. Разброс количественных данных во многом объясняется тем фактором, что значительная часть перемещенных лиц по своей личной мотивации старалась избежать регистрации и не попасть под репатриацию на родину [2].

Эмигранты первой волны были подданными Российской империи. В отличие от них пред-

ставители послевоенной эмиграции были гражданами Советского государства. И если большинство русских беженцев первой волны принадлежали к элите Российской империи, то вторая эмиграция образовалась из бывших военнопленных; мирного населения, угнанного на работу в Германию и другие страны Европы; населения оккупированных территорий СССР, покинувших страну вместе с отступающими немцами. Отсюда и несопоставимый их духовный и культурный потенциал. Беспрецедентно высокого культурного уровня первой эмиграции представителям второй волны достичь не удалось. В то же время вместе с представителями «первой волны» послевоенная интеллигенция составила очень интересный творческий феномен, который можно было бы назвать «российская интеллигенция перемещенных лиц» [7; 8, с. 19–36].

Численность советских граждан, оказавшихся к концу войны на территории Германии и стран Европы, колеблется вокруг цифры 8.7 млн человек. Из них: погибли на чужбине – 2.1 млн человек; репатрированы или вернулись самостоятельно на родину – 5.9 млн человек. Уклонились от репатриации, т.е. стали «невозвращенцами» – 0.7 млн человек [2]. Именно из последних и образовалась вторая волна эмиграции. Она могла бы быть более масштабной, если бы не насильственная депортация.

Смысл в насильственной репатриации видится в том, что советское правительство было намерено не допустить создания новой антисоветской эмиграции, а также сократить первую волну. «Невозвращенцами» становились прежде всего лица, сотрудничавшие с фашистами в разных формах – от службы в вооруженных строевых формированиях до выполнения карательных функций. Те, кому удалось избежать насильственной репатриации, становились русскими «ди-пи» (от *displaced persons* – перемещенные лица).

Пополнение российской эмиграции, по данным Международной организации по делам беженцев и перемещенных лиц (*International Refugee Organization (IRO)*), составило лишь около 130 тыс. человек. Возможно, действительная цифра была выше: опасаясь выдачи, люди скрывали свое происхождение, меняли фамилии, приобретали документы на чужое имя [9, с. 355]. Представляет интерес анализ этнической структуры зарегистрированных перемещенных лиц. Больше всего среди них было украинцев – 32.1%, далее шли выходцы из прибалтийских республик – латыши (24.2%), литовцы (14.0%) и эстонцы (13.0%). На всех них, вместе с белорусами (2.2%), приходилось 85.5%

зарегистрированных «невозвращенцев». Среди перемещенных лиц, не желавших возвращаться на родину, русских было 7.0%, что составляет всего 31 тыс. человек [2].

Параллельно с образованием новой эмиграции шел процесс добровольной репатриации («возвращенчества») в СССР. Это объясняется симпатиями к Советской стране, вызванными событиями Великой Отечественной войны. Враждебность к коммунистической власти уступала место искреннему преклонению перед подвигом советского народа, ожиданиями радикальных перемен в общественной жизни. Во Франции, например, обмен французских паспортов на советские паспорта получил массовый характер. Точных данных о том, сколько эмигрантов их получили, не известно. В литературе приводится цифра порядка 10 тыс. человек [10, с. 312].

Основной массой желающих выехать в СССР были потомки представителей еще дореволюционной трудовой эмиграции. В 1940–1950-х гг. вернулись и некоторые представители первой эмиграции, в частности скульптор С. Эрзя, певец А. Вертинский, поэт А. Ладинский, генетик Н. Тимофеев-Ресовский. Немало способствовала всплеску патриотизма деятельность советских органов, в особенности Комитета за возвращение на Родину. Большую активность по пропаганде репатриации развил Союз русских патриотов, большинство членов которого были участниками движения Сопротивления.

Центром формирования новой послевоенной эмиграции стала Германия, в частности Мюнхен. Сюда из Югославии перебрался даже Синод Зарубежной церкви. Уже летом 1945 г. в СССР стала поступать информация о том, что союзники ведут отбор полезных для себя перемещенных лиц, прежде всего квалифицированных специалистов и ученых. С осени 1945 г. оккупационные власти американской зоны, где было много лагерей «ди-пи», начали приостанавливать выдачу советским военным властям перемещенных лиц, не желающих репатрироваться в СССР. Такое распоряжение было обусловлено потребностью в дешевой рабочей силе и пониманием, что «ди-пи» могут быть успешно использованы в борьбе против Советского Союза.

В целом, в отношении бывших советских граждан проводилась наиболее дискриминационная политика. Для русских «ди-пи» дополнительной проблемой была национальность. Им труднее было получить визу на выезд из Германии. Отъезд за океан тормозился властями союзников, обставлялся целым рядом преград. С началом 1950-х гг. начался процесс переселения в США и Канаду, в страны Южной Америки

новых эмигрантов. В итоге в Северной Америке сформировалась большая и влиятельная анти-русской украинская диаспора.

Возникали проблемы взаимопонимания с эмигрантами первой волны. Первая в основном была представлена дворянством и интеллигенцией, вторая – в массе своей – рабочими и крестьянами. Новых эмигрантов меньше интересовали вопросы сохранения духовного наследия дореволюционной России: они ее, в большинстве своем, не знали. Две эти волны разделялись социальными, культурными, мировоззренческими барьерами. Стержнем всех конфликтов и противоречий всегда было отношение к СССР. Часть старых эмигрантов относилась к СССР, победившему фашизм, с симпатией. Отличительной чертой послевоенной эмиграции являлась сознательная политическая оппозиция советскому режиму. Ее кредо было изложено в Манифесте освобождения народов России, а организационно движение было оформлено в Комитет освобождения народов России (КОНР), который возглавил в 1944 г. генерал Власов. Необходимость объединенного участия в «холодной войне» против общего противника – Советского Союза обусловила попытки объединения эмиграции. В этих целях состоялся ряд съездов и конференций политических организаций как старой, так и новой эмиграции.

В итоге была сформулирована идейная платформа, на базе которой предпринимались попытки политического, идеологического, культурного влияния на СССР с целью свержения советского режима. В этих же целях действовало множество антисоветских организаций за рубежом. Особенно активно с эмигрантами, вместе с РОВС, работал Народно-трудовой союз российских солидаристов (НТС), предпринимались попытки создания в СССР мощной подпольной организации. Несмотря на постоянные внутренние распри и расколы, эмигрантская оппозиция сохранила ярко выраженные антикоммунистические идеи, что способствовало организации Соединенными Штатами Америки пропаганды против СССР в годы «холодной войны». Видное, если не центральное место в этих усилиях занимала организация СБОНР – Союз борьбы за освобождение народов России, идейный наследник власовского КОНРа [11; 7, С. 72–76].

В целом на основе значительных частей этих двух эмиграций – первой и второй – и формировалось русское зарубежье как уникальный социокультурный и политический феномен. При многих различиях первой и второй эмиграции у них было принципиальное единство, основанное на антибольшевизме (антисоветизме),

необходимости борьбы с ним, а также миссия сохранения русской национальной культуры и православной веры, что определяло систему ценностей и поведенческих парадигм эмигрантов. Эти особенности первых двух эмиграций были абсолютно нехарактерны для эмигрантов последующих волн.

В условиях «холодной войны»: третья волна эмиграции

Третья волна (1948–1986 гг.) охватывает более значительные временные рамки. Хронологически это эмиграция периода «холодной войны». Основные составляющие миграционного потока – этническая эмиграция и эмиграция творческой интеллигенции. Количественно третья волна укладывается приблизительно в 0.5 млн человек, что меньше результатов даже второй волны: за 1948–1986 гг. из СССР выехало около 290 тыс. евреев, 105 тыс. советских немцев и 52 тыс. армян. Также среди эмигрантов были политические и религиозные диссиденты: участники правозащитного движения, евангелисты, пятидесятники.

Данные свидетельствуют прежде всего об этническом характере эмиграции [2]. По численности доминировала еврейская эмиграция. Основными странами приема эмигрантов стали Израиль и США. Середина 1950-х гг. отмечена особо массовой еврейской иммиграцией (алией), что было обусловлено провозглашением политики собирания еврейского народа в созданном в 1948 г. Государстве Израиль [12, 13]. Апогея она достигла в 1972–1973 гг., когда в Израиль выезжало по 30 тыс. человек ежегодно [14, 15]. К началу 1980-х гг. алия начинает постепенно превращаться в обычную эмиграцию в поисках лучшей жизни. Большинство евреев, покидавших СССР по израильской визе, предпочли избрать местом постоянного жительства не историческую родину, а США и Западную Европу. В следующей волне эмиграции эта тенденция станет ведущей. В начале 1980-х гг. политика советских властей по отношению к проблеме выезда евреев из СССР резко ухудшилась: ужесточились правила выдачи разрешений на выезд, увеличилось число немотивированных отказов. Общее число «отказников» к началу 1981 г. приблизилось к 40 тыс. человек. Еврейская эмиграция почти прекратилась, уступив лидерство эмиграции немецкой [16, с. 8].

Эмиграция периода «холодной войны» была больше экономической, чем политической. Исключение составляло небольшое число диссидентов. За пределами СССР оказались лидеры правозащитного движения: П. Григоренко,

Ю. Орлов, В. Буковский, Л. Алексеева [17, с. 176–184; 18, с. 217–226]. В целом эмигранты третьей волны вряд ли могут восприниматься как активные борцы с советским режимом, кроме диссидентов. Это были скорее несогласные или недовольные политикой советского государства. В основном их не устраивали дефицит товаров, бытовые условия, низкая оплата труда и прочее. К этому добавлялось недовольство идеологическим диктатом КПСС и средств массовой информации, запретом свободной прессы и литературы, нарушением прав человека.

В отличие от первых двух эмиграций третья носила легитимный характер, не являлась вынужденной, не была связана с тяжелыми обстоятельствами, такими как революция, гражданская война, немецкая оккупация. Ей не удалось создать ни одного значимого политического движения, как это сделали первая и вторая эмиграции. Представители третьей волны охотно критиковали те или иные политические структуры зарубежной России, но сами не сформулировали новых идей, не стали реальной политической силой.

Третья эмиграция оказалась близка первой по масштабам потерь для русской культуры. В начале 1970-х гг. СССР начинает покидать интеллигенция, прежде всего творческая. Небольшую часть составляли добровольные перебежчики: не вернулись с заграничных гастролей артисты балета Р. Нуреев, Н. Макарова, М. Барышников, А. Годунов, дирижер К. Кондрашин. Во время пребывания за рубежом были лишены советского гражданства или насильственно высланы философ А. Зиновьев, писатель А. Солженицын, поэт И. Бродский, певица Г. Вишневская, музыкант М. Ростропович, режиссер Ю. Любимов. Покинули СССР несогласные с проводимой властями культурной политикой: скульптор Э. Неизвестный, художник М. Шемякин.

За рубежом оказалось более 200 литераторов: Г. Владимов, С. Довлатов, Л. Копелев, В. Максимов, В. Некрасов и другие. Большинство писателей эмигрировало в США, где сформировалась мощная русская диаспора. Ее представляли И. Бродский, Н. Коржавин, В. Аксенов, С. Довлатов, Ю. Алешковский. Во Францию уехали А. Синявский, М. Розанова, В. Некрасов, Э. Лимонов, В. Максимов; в Германию – А. Зиновьев, В. Войнович.

Протяженность эмиграции во времени, обширная зона рассеяния, идейные и творческие разногласия предопределили разобщенность третьей волны. Эмигранты оказались в совершенно иных условиях, во многом чуждые старой эмиграции. Разный жизненный опыт, иное мировоззрение и воспитание, изменившаяся за годы стилистика русского языка мешали воз-

никновению связей между поколениями. Оказавшиеся в изоляции от старой эмиграции, представители третьей волны открыли свои издательства, создали альманахи и журналы. Один из известнейших таких журналов «Континент» был создан В. Максимовым в Париже. Там же М. Розановой и А. Синявским издавался журнал «Синтаксис». В США – газеты «Новый американец» и «Панорама», журнал «Калейдоскоп». В Израиле – журнал «Время и мы», в Мюнхене – «Форум», во Франкфурте – «Грани».

В основном (за исключением части творческой интеллигенции) представители третьей эмиграции не преследовали цели сохранить прежние язык, культуру, традиции, обычаи, веру и т.д. Это объясняется прежде всего тем, что в массе своей это были выходцы из различных этнических групп, религиозных конфессий, которые далеко не всегда идентифицировали себя с русской культурой. Православие для них не являлось ориентиром для самоидентификации. Из-за чрезмерной идеологизации советской культуры отношение эмигрантов к ней в основном было негативным. Эмигранты не только не стремились сохранить ценности и уклад жизни, которые существовали в Советском Союзе, от них хотели скорее избавиться. Третья эмиграция представляла собой носителей атеистической культуры с ее ценностями. Она принципиально отличалась от культуры первой и второй волны, исповедующей ценности православия. Эта волна была советской. Выезжали носители советской культуры со своими политическими символами и историческими героями. Они были несовместимы с той культурой, в которой была воспитана первая и отчасти вторая эмиграция. Парадокс заключался в том, что, будучи слишком несоветскими для советского общества, на Западе новые эмигранты, с присущей им ментальностью, казались слишком советскими.

Эмиграционные процессы в новой России

Четвертая волна начинается с перестройки М. Горбачева, с либерализации в 1986 г. правил выезда и въезда в страну и продолжается по настоящее время. В отличие от всех трех предыдущих эмиграций четвертая была абсолютно аполитичной. Даже диссидентский фактор в ней отсутствовал. Выезд был добровольный, а его масштабы регулировались только миграционными квотами принимающих стран.

В общей сложности за период с 1989 по 2002 г., по данным МВД, из России на постоянное место жительства в страны дальнего зарубежья выехали 1 млн 265 тыс. человек. По данным зарубежной статистики, за тот же период

эмиграция из России составляла как минимум 1.6 млн человек [19]. Неучтенной осталась скрытая эмиграция. Масштабы огромные, но они оказались меньше апокалиптических прогнозов возможного исхода в 3–20 млн человек. Причина проста: легальная эмиграция защищена законодательствами, квотами западных стран и ограничена представителями лишь нескольких национальностей.

Отличительной чертой российской эмиграции конца XX – начала XXI в. была ее четкая географическая направленность и ярко выраженная этническая компонента. Более 90% всех эмигрантов направлялись в Германию, Израиль и США. По данным МВД, до 2002 г. в Германию выехало около 740 тыс. человек, в Израиль – 310 тыс., в США – около 140 тыс., в другие страны – до 80 тыс. человек [19]. Подобная ориентация миграционных потоков была обусловлена прежде всего реализацией в Германии и Израиле программ по репатриации немцев и евреев. Это мощные программы социальной поддержки, которых не знали эмигранты первых трех волн. Они разработаны только для немецких и еврейских репатриантов, но именно эти группы и составляют подавляющую часть четвертой эмиграции. Эмиграция в США развивалась по каналам привлечения квалифицированных специалистов, а также в рамках воссоединения семей. В начале 1990-х гг., по данным Федеральной службы государственной статистики, немцы и евреи составляли большую часть эмигрантов (почти 70%). В последующие годы доля этих национальностей в общем числе эмигрантов уменьшалась по мере сокращения их численности в России. С 2008 г. вопрос о национальной принадлежности мигрантов в листках статистического учета прибытий и выбытий отсутствует [19].

Из-за этнического характера эмиграции определяющей становится проблема выбора идентичности. Особенно остро она встала перед российскими немцами. Подавляющее большинство из них жили в СССР «как немцы среди русских» и эмигрировали в Германию, чтобы ощущать себя «как немцы среди немцев». Однако реальная жизнь зачастую заставляет их жить «как русские среди немцев», что не вписывается в ожидания репатриантов. Часть из них не смогла интегрироваться в немецкое общество, отдавая предпочтение русскому языку и культуре.

У еврейских переселенцев проблема идентичности выражена менее остро во многом благодаря политике абсорбции, проводимой властями Израиля. Цель ее – скорейшая интеграция иммигранта в жизнь израильского общества. Первоначально предполагалось, что этническая однород-

ность общества позволит реализоваться модели «плавильного котла», т.е. достижения языкового, культурного, конфессионального единообразия населения. Однако попытки в полной мере гоменизировать мигрантов не удалось. Для значительной части иммигрантов незнание иврита стало серьезной проблемой. Они могли претендовать только на неквалифицированную работу, что, естественно, не отвечало уровню ожиданий и надежд репатриантов. Репатрианты столкнулись с жесткой конкуренцией на рынке труда, необходимостью подтверждать свой профессиональный уровень, невостребованностью некоторых специальностей. Особенно сложно было тому, чьи профессии связаны с русским языком и культурой: преподавателям русского языка и литературы, актерам, писателям [20].

Кроме того, эмиграция 1990-х гг. представляла в массе своей людей, далеких от сионистских убеждений, еврейской религии, культуры, традиций, языка, истории своего народа. Многие находились в смешанных браках, воспитывались в советских культурных и атеистических традициях. Часть иммигрантов так и не освоили непривычный для них язык. Чаще всего они живут в русских районах, где практикуется двуязычие. По возрасту это люди старшего поколения, пенсионеры. Быстрее всех адаптируются дети. Нежелание «русских евреев» учить иврит другими общинами Израиля воспринимается как неуважение к еврейским ценностям. А для «русской общины» бытовое общение на привычном языке, русскоязычные газеты, телевидение, театры – один из факторов выживания в новых условиях. В целом «столкновение культур» – одна из острых проблем абсорбции. В результате сформировался своеобразный параллельный «русскоязычный» мир и «русская община» стала заметным фактором политической, социально-экономической и культурной жизни современного Израиля.

Иммиграция «русских евреев» изменила облик самого Израиля: население увеличилось на 13%; число научно-технической интеллигенции выросло на 41%. В итоге Израиль превратился в мирового лидера по числу ученых на душу населения: 135 человек на 10 тыс. работающих [21, с. 99]. Все это определило высокую степень занятости русскоязычной иммиграции в индустрии высоких технологий, наукоемких производствах, научно-исследовательских центрах, оборонной промышленности, финансовых институтах и бизнесе.

Основная масса эмигрантов-евреев довольна своим отъездом на историческую родину. После пяти лет проживания в стране около 80% иммигрантов положительно оценили свои жилищные

условия; 66% – работу; 70% – социальную поддержку; 50% – культурную жизнь. 80% опрошенных «чувствуют себя как дома». 95% удовлетворены выбором Израиля как места проживания [22, 23]. Незначительной части репатриантов не удалось полностью адаптироваться в новых условиях из-за невозможности вернуть себе прежний социальный статус. Около 50 тыс. из них вернулись на прежнее место жительства [20]. Подобные проблемы возникают у тех, кто не сумел выучить язык и подтвердить свою профессиональную квалификацию.

По сравнению с тремя предыдущими волнами четвертая эмиграция осознанно разрывает духовные контакты со страной исхода. Значительная часть еврейских и немецких репатриантов сразу пытается следовать стратегии ассимиляции. В результате уже второе поколение современных эмигрантов начинает забывать русский язык, выбывает из русскоязычного пространства. В значительно меньших масштабах наблюдается обратный процесс. С распадом СССР и появлением новой России на историческую родину чаще возвращаются представители третьей волны, особенно те, кто в силу профессии связан с русским языком и культурой: философ А. Зиновьев, писатели А. Солженицын, В. Аксенов, В. Войнович, Э. Лимонов и другие [18, с. 217–226].

Несмотря на отличия, последние две волны эмиграции имеют много общего, что и дает основание рассматривать их как «русскоязычное пространство». Оно обладает спецификой и отличается от русского зарубежья, сформированного двумя первыми волнами. Это прежде всего не политический, а экономический характер эмиграции, иной этнический состав, добровольная мотивация отъезда, преобладание иной системы ценностей. Ни третья, ни четвертая эмиграция не ставили цели сохранить культуру России, традиции, обычаи, веру и т.д. Такая установка в целом противоречит идеям русского зарубежья. Что же касается эмигрантов четвертой волны, образующей базу современного русскоязычного пространства, то она все больше теряет духовную связь с исторической родиной. Это русскоязычное пространство возникло уже на основе иных мировоззренческих ценностей и существует параллельно русскому зарубежью, которое в силу естественной убыли его участников и длительной ассимиляции потомков постепенно уходит в прошлое.

Вывод

В начале XXI в. в общей сложности в странах дальнего зарубежья проживало порядка 4–4.5 млн

человек, родившихся на территории бывшего СССР [19]. Современный тренд миграционного процесса – увеличение эмиграции в западном направлении. Например, до 2012 г. статистически учитываемая эмиграция носила символический характер, настолько незначительны были ее размеры. В 2012 г. – резко, более чем втроекратно по сравнению с предшествующими годами, эмиграция выросла до 122.8 тыс. человек против 36.8 тыс. в 2011 г. Факторы увеличения эмиграции следующие: во-первых, все экономически развитые страны нуждаются в притоке населения вследствие депопуляции. Население России принадлежит к европейской культурной традиции, имеет высокий уровень образования и квалификации. Во-вторых, сохраняющийся разрыв в экономическом развитии между Россией и странами ЕС и США является сильной мотивацией для эмиграции [24, с. 349].

Таким образом, если первая и вторая эмиграции создали русское зарубежье, целью которого было сохранение русской культуры, православной веры, духовной связи с далекой родиной, свержение советского режима и возвращение в Россию, то третий и четвертый исходы полностью отказались от этой миссии. По сути, почти единственным связующим звеном между разными волнами эмиграции является русский язык – важнейший признак идентичности, но не единственный. Другие характеристики национально-культурной идентичности практически отсутствуют. Поэтому в настоящее время рассматривать представителей старого русского зарубежья и современного русскоязычного пространства как преемников и представителей единого «русского мира» не представляется корректным.

Список литературы

1. Попов А.В. Русское Зарубежье и архивы // Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. IV. М., 1998.
2. Полян П. Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию // Демоскоп Weekly. № 251–252. 19 июня – 20 августа 2006. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0251/analit01/php> (Дата обращения: 18.10.2015).
3. Попков В.Д. Русскоязычные пространства за рубежом: специфика формирования и основные особенности // Демоскоп Weekly. № 497–498. 6–19 февраля 2012. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0497/analit02/php> (Дата обращения: 31.00.2015).
4. Бунин И. Миссия русской эмиграции // В кн.: Бунин И. Великий дурман. М., 1997.
5. Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: Документы и материалы. М., 1999.
6. В поисках пути: Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992.

7. Корнилов А.А. Об историческом значении русской послевоенной эмиграции в США // Актуальные проблемы американистики: Материалы Международного научного семинара «Российско-американские отношения в контексте глобальных изменений». ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2002.
8. Корнилов А.А. Российская интеллигенция и мир перемещенных лиц стран Европы // Интеллигенция и мир. 2011. № 1. С. 19–36.
9. Назаров М. Миссия русской эмиграции. М., 1994.
10. Костиков В.В. Не будем проклинать изгнание... (Пути и судьбы русской эмиграции). М., 1990.
11. В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции: Сб. статей и документов / Сост. В.С. Карпов, А.В. Попов, Н.А. Троицкий. Под общ. ред. А.В. Попова. М.: РГГУ, 1997.
12. Рыжов И.В. СССР и Государство Израиль. Трудная история взаимоотношений: Монография. Н. Новгород: ИСИ ННГУ; Вектор ТиС, 2008.
13. Яквинта П., Медведева Т.А., Саладино Р. Эмиграция евреев из СССР – РФ и проблемы абсорбции иммигрантов в Израиле: Материалы Международной научной конференции «Традиции и инновации в международно-политическом процессе: региональное и глобальное измерение». Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014.
14. Zaslavsky V., Brum R. Fuga dall'impero. L'immigrazione ebraica e la politica delle nazionalita in Unione Sovietica. Napoli: Edizioni Scientifiche Italiane, 1985.
15. Iaquina P., Medvedeva T.A. Push e pull, fattori di emigrazione. Il caso degli ebrei Russi // Pensieri complici Ricerche e riflessioni su comunicazione, popolazione, salute e ambiente. Bari, 2012.
16. Морозов В.М. Русскоязычная иммиграция в Израиль как фактор в развитии российско-израильских межгосударственных отношений. М., 2009.
17. Медведева Т.А. Инакомыслие и диссидентское движение в СССР: прошлое и настоящее // Материалы по истории Отечества. Н. Новгород: ННГУ, 2001. С. 176–184.
18. Медведева Т.А. Инакомыслие и правозащитное движение в отечественной истории второй половины XX века // Материалы по истории России XX века. Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2003. С. 217–226.
19. Денисенко М. Эмиграция из России в страны дальнего зарубежья // Демоскоп Weekly. № 513–514. 4–17 июня 2012. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0513/tema07.php> (Дата обращения: 31.01.2016).
20. Скалицкая М. Чужие среди своих: положение репатриантов из СНГ в Израиле. URL: <http://eastwest-review.com>
21. Семенченко Н. Израильская политика иммиграции и абсорбции // Иммиграционная политика западных стран: альтернативы для России. М., 2002.
22. Rozenbaum-Tamri I., Damian N. (1996). 5 peryyh let absorbtсии repatriantov SSSR (1990–1995) v sravnenii s pribyvshimi v ianvare – marte 1995 goda. Ministero dell'Assorbimento degli Immigrati, Relazione. № 10.
23. Iaquina P., Medvedeva T.A., Saladino R. La integrazione degli ebrei russi della la Aliyah // Rivista Italiana di Economia Demografia e Statistica. Organodella Societa italiana di Economia Demografica e Statistica. SIEDS.V. LXV. № 3/4. 2011.
24. Население России 2012. Двадцатый ежегодный демографический доклад. М., 2014.

**THE RUSSIAN DIASPORA OF THE TWENTIETH CENTURY:
THE FEATURES OF FORMATION, ADAPTATION AND PRESERVATION
OF THE NATIONAL IDENTITY OF THE RUSSIAN EMIGRATION**

T.A. Medvedeva, S.V. Bushueva

In this paper, an attempt is made to analyze the stages, specifics, geography of the formation of the Russian communities abroad and Russian-speaking society during the 20th century; to discover the quantitative and qualitative composition of the four emigration waves; to determine their distinctive features and behavioral paradigms. The most important problems for emigration representatives were adaptation to a new living environment and the need to protect their national identity. One of the most notable trends in emigration in the course of the 20th century is a change of mentality of the Russian émigré: from the mission of protecting the values of Russian self-identification to breaking away from these values and accelerated integration into the Western lifestyle.

Keywords: migration, emigration, deportation, adaptation, repatriation, displaced persons, diaspora, Russian-speaking space, national identity, waves of emigration.

References

1. Popov A.V. Russkoe Zarubezh'e i arhivy // Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. IV. М., 1998.
2. Polyan P. Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию // Демоскоп Weekly. № 251–252. 19 июня – 20 августа 2006. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0251/analit01.php> (Дата обращения: 18.10.2015).
3. Popkov V.D. Russkoyazychnye prostranstva za rubezhom: specifika formirovaniya i osnovnye osobennosti // Демоскоп Weekly. № 497–498. 6–19 февраля 2012. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0497/analit02.php> (Дата обращения: 31.00.2015).
4. Bunin I. Миссия русской эмиграции // В кн.: Bunin I. Velikij durman. М., 1997.
5. Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: Документы и материалы. М., 1999.

6. V poiskah puti: Russkaya intelligenciya i sud'by Rossii. M., 1992.
7. Kornilov A.A. Ob istoricheskom znachenii russkoj poslevoennoj ehмиграции v SShA // Aktual'nye problemy amerikanistiki: Materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo seminaru «Rossijsko-amerikanskije otnosheniya v kontekste global'nyh izmenenij». NNGU im. N.I. Lobachevskogo, 2002.
8. Kornilov A.A. Rossijskaya intelligenciya i mir peremeshchennyh lic stran Evropy // Intelligenciya i mir. 2011. № 1. S. 19–36.
9. Nazarov M. Missiya russkoj ehмиграции. M., 1994.
10. Kostikov V.V. Ne budem proklinat' izgnan'e... (Puti i sud'by russkoj ehмиграции). M., 1990.
11. V poiskah istiny. Puti i sud'by vtoroj ehмиграции: Sb. statej i dokumentov / Sost. V.S. Karpov, A.V. Popov, N.A. Troickij. Pod obshch. red. A.V. Popova. M.: RGGU, 1997.
12. Ryzhov I.V. SSSR i Gosudarstvo Izrail'. Trudnaya istoriya vzaimootnoshenij: Monografiya. N. Novgorod: ISI NNGU; Vektor TiS, 2008.
13. Yakvinta P., Medvedeva T.A., Saladino R. Ehмиграция evreev iz SSSR – RF i problemy absorbcii imigrantov v Izraile: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Tradicii i innovacii v mezhdunarodno-politicheskom processe: regional'noe i global'noe izmerenie». Nizhnij Novgorod: NNGU im. N.I. Lobachevskogo, 2014.
14. Zaslavsky V., Brum R. Fuga dall'impero. L'immigrazione ebraica e la politica delle nazionalita in Unione Sovietica. Napoli: Edizioni Scientifiche Italiane, 1985.
15. Iaquina P., Medvedeva T.A. Push e pull, fattori di emigrazione. Il caso degli ebrei Russi // Pensieri pubblici Ricerche e riflessioni su comunicazione, popolazione, salute e ambiente. Bari, 2012.
16. Morozov V.M. Russkoyazychnaya immigraciya v Izrail' kak faktor v razvitii rossijsko-izrail'skih mezhgosudarstvennyh otnoshenij. M., 2009.
17. Medvedeva T.A. Inakomyslie i dissidentskoe dvizhenie v SSSR: proshloe i nastoyashchee // Materialy po istorii Otechestva. N. Novgorod: NNGU, 2001. S. 176–184.
18. Medvedeva T.A. Inakomyslie i pravozashchitnoe dvizhenie v otechestvennoj istorii vtoroj poloviny XX veka // Materialy po istorii Rossii XX veka. N. Novgorod: Nizhegorodskij gumanitarnyj centr, 2003. S. 217–226.
19. Denisenko M. Ehмиграция iz Rossii v strany dal'nego zarubezh'ya // Demoskop Weekly. № 513–514. 4–17 iyunya 2012. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0513/tema07.php> (Data obrashcheniya: 31.01.2016).
20. Skalickaya M. Chuzhie sredi svoih: polozenie repatriantov iz SNG v Izraile. URL: <http://eastwest-review.com>
21. Semenchenko N. Izrail'skaya politika immigracii i absorbcii // Immigracionnaya politika zapadnyh stran: al'ternativy dlya Rossii. M., 2002.
22. Rozenbaum-Tamri I., Damian N. (1996). 5 pervyh let absorbcii repatriantov SSSR (1990–1995) v sravnenii s pribyvshimi v ianvare – marte 1995 goda. Ministero dell'Assorbimento degli Immigrati, Relazione. № 10.
23. Iaquina P., Medvedeva T.A., Saladino R. La integrazione degli ebrei russi della la Aliyah // Rivista Italiana di Economia Demografia e Statistica. Organodella Societa italiana di Economia Demografica e Statistica. SIEDS.V. LXV. № 3/4. 2011.
24. Naselenie Rossii 2012. Dvadcatyj ezhegodnyj demograficheskij doklad. M., 2014.